

— Там кто-то зовет, — крикнул охранник из-за двери.

Фан Чжо, услышав свое имя, тут же отозвался невнятным мычанием. Глаза Чжоу Цу сузились, взгляд стал свирепым. Он с силой прикусил губу юноши, до крови прокусив нежную кожу. Всю кровь он жадно проглотил.

Привкус крови оказался не резким, а странно сладковатым. Нервы Чжоу Цу успокоились, и кусачие движения сменились глубокими, тягучими поцелуями. Он тщательно исследовал мягкие губы и язык, не в силах оторваться. Муть в его глазах рассеялась, взгляд стал ясным. Длинные черные ресницы слегка дрогнули, и он закрыл глаза, скрывая все эмоции.

Фан Чжо почувствовал, как напряженное тело Чжоу Цу обмякло. Это уже не было похоже на кровожадное терзание — теперь он прильнул к его губам, словно младенец, сосущий молоко. Фан Чжо уже начал ломать голову, как заставить его остановиться, когда дверь внезапно распахнулась.

Охранник с пистолетом в руке замер на пороге, уставившись на двоих, лежащих на полу.

— Господин Сюй, вы...

Фан Чжо мгновенно вспыхнул, сгорая от стыда. Неизвестно, откуда взялись силы, но он с силой оттолкнул Чжоу Цу. Он бросился прочь, прижимая руку к груди — сердце колотилось так тяжело, словно пыталось вырваться из грудной клетки.

Охранник еще мгновение смотрел на спину Чжоу Цу. Тот сидел на полу, растрепанный, с собачьим ошейником на шее, но в его облике не осталось и следа подавленности пленника. Эта странная перемена вызывала невольный страх.

Сжав пистолет, охранник попятился и вышел из комнаты, направившись в уборную на первом этаже.

Фан Чжо полоскал рот, но никак не мог избавиться от привкуса Чжоу Цу. Выплюнув воду, он поднял голову и посмотрел на свое отражение в зеркале.

Губы распухли до пугающих размеров, а вокруг них отчетливо виднелись глубокие следы зубов — выглядело это одновременно жутко и нелепо.

Вошедший охранник с сомнением посмотрел на него.

Фан Чжо поспешно прикрыл рот рукой и глухо спросил:

— Что-то случилось?

— Просто показалось, что что-то не так, решил проверить, а тут... — Охраннику было трудно принять однополые отношения, но он не удержался от предположения: — Он сегодня был

таким тихим, может, потому что... ну, получил желаемое?

У Фан Чжо болел рот, поэтому он пробормотал:

— Что получил?

Охранник замялся:

— Ну, влечение.

Фан Чжо не нашелся что ответить, посчитав, что у парня слишком богатое воображение. Промолчав, он подошел к унитазу:

— Мне нужно воспользоваться уборной, не мог бы ты выйти?

Охранник простодушно почесал затылок:

— О, хорошо.

Как только дверь закрылась, Фан Чжо взволнованно вытащил телефон. Он почувствовал вибрацию еще раньше.

[Внешний модуль успешно доставлен.]

Короткая строчка на черно-белом экране заставила Фан Чжо содрогнуться от возбуждения. Он никак не ожидал, что сюжетный поворот случится так внезапно, вот только вышло слишком уж кроваво. Разве это были поцелуи? Скорее ночной перекус дикого зверя.

Хорошо, что он, собрав все силы, смог сбежать, иначе его бы просто съели живьем.

Задание выполнено наполовину, настроение Фан Чжо резко улучшилось. Даже следы от зубов на губах стали казаться не такими уж страшными. Напевая себе под нос, он вернулся в комнату.

Она находилась прямо под спальней Чжоу Цу. Хотя звукоизоляция была хорошей, если наверху происходило что-то шумное, прислушавшись, можно было разобрать звуки.

Фан Чжо сел на кровать, скрестив ноги, и полчаса напряженно вслушивался, но ничего не услышал. Похоже, внешний модуль подавлял приступы безумия Чжоу Цу. Интересно, поможет ли это и от его хронического холода в теле по ночам?

Эта ночь прошла гораздо спокойнее, чем предыдущие, даже дежурный охранник заметно расслабился.

На следующее утро капитан охраны пришел с ключом, чтобы снять наручники с Чжоу Цу.

Засохшая кровь намертво прилипла к коже, и если бы их сняли резко, мясо бы просто оторвалось.

Капитан не любил этого молодого господина, но почувствовал жалость.

— Подожди, я принесу влажное полотенце, — сказал он, но тут же замер: Чжоу Цу без единого стога сам сорвал наручники, оторвав при этом кусок кожи — было видно красное мясо.

Тело Чжоу Цу не было слабым, но отец Чжоу относился к его здоровью с параноидальной заботой, словно сын был его единственным сокровищем. При малейшем недуге он кричал на слуг. Охранник, напуганный увиденным, поспешно вызвал семейного врача.

Врач был мягким мужчиной в белом халате и золотых очках, сразу было видно — человек благородного происхождения.

Он взял ватный тампон, смоченный в перекиси водорода, чтобы обработать рану, но Чжоу Цу отстранился:

— Я сам.

Врач улыбнулся и тихо произнес:

— Хорошо.

Он работал личным врачом семьи Чжоу уже полгода, и все это время мужчина был холодным как лед. Это был первый раз, когда он заговорил с ним.

Фан Чжо, тайно наблюдая из-за колонны, отчетливо заметил застенчивый взгляд врача. Он подумал: наверняка это и есть настоящий возлюбленный Чжоу Цу.

Вернувшись в комнату, он связался с 233, чтобы прояснить ситуацию:

— Тот человек — будущий парень Чжоу Цу?

233, халтуря, ответил лишь после того, как закончил партию в игру:

— Трудно сказать.

— Что значит трудно сказать? Разве сюжет не предопределен?

— Э-э-э... — 233 долго молчал, не выдавая ни слова.

Система — просто бесполезный хлам.

У Фан Чжо разболелась голова. Он раздраженно взлохматил волосы, решив тоже забить на

работу. Какая ему разница, кто этот врач? Как только сюжет завершится, он покинет этот мир, пусть Чжоу Цу хоть с кем крутит романы.

Хотя он так и думал, любопытство взяло верх, и он на цыпочках прокрался обратно.

У врача были изящные черты лица и приятный голос, Фан Чжо даже заслушался, но вдруг заметил, что лицо Чжоу Цу становится все мрачнее.

Врач ничего не заметил и продолжал настаивать:

— Вам нужно больше гулять, бывать на солнце. Я слышал от госпожи Чэнь, что на первом этаже есть спортзал, лучше заниматься каждый день.

Он говорил с таким серьезным видом, словно перед ним обычный пациент, но глаза его постоянно скользили по телу Чжоу Цу, не скрывая неприкрытого желания.

Фан Чжо хмыкнул: врач явно не подходит, слишком уж голодный до внимания, совсем не сочетается с аурой Чжоу Цу. Неудивительно, что система ответила так уклончиво.

— Ты закончил? — прервал его Чжоу Цу.

Улыбка врача застыла:

— Что вы сказали?

— Твоя работа окончена, больше можешь не приходить. — Чжоу Цу отбросил ватный тампон и поднялся, направляясь к колонне, за которой прятался Фан Чжо.

Услышав шаги, Фан Чжо почувствовал, как сердце ушло в пятки. Быть пойманным за подслушиванием — ситуация крайне неловкая. Он лихорадочно соображал, что сказать.

Чжоу Цу вытащил его из укрытия. Юноша был в той же одежде, что и вчера: футболка и шорты помяты, волосы в беспорядке, на лице маска, видны только глаза.

Врач только теперь понял, что кто-то подслушивал. Юноша выглядел неряшливо, но Чжоу Цу, похоже, не был этим недоволен — его взгляд, хоть и оставался равнодушным, стал намного мягче, чем когда он смотрел на врача.

Врач, обладавший хорошей интуицией, сразу понял: Чжоу Цу — определенно актив. Он под предлогом осмотра пытался сблизиться, проявить заботу, надеясь растопить ледяную глыбу. Но не успел расцвести цветок любви, как реальность показала: эта честь достанется кому-то другому.

Со вздохом сожаления врач подхватил свой чемоданчик и бесшумно удалился.

Фан Чжо кивнул на его удаляющуюся спину:

— Не проводишь? Он ушел.

— Не нужно, — ответил Чжоу Цу. — Сними маску, я посмотрю.

Губы Фан Чжо выглядели так, что даже он сам не хотел на них смотреть, но перед «виновником» он набрался смелости и тут же сорвал маску.

Тонкие губы распухли, напоминая сосиски, а вокруг них багровели глубокие следы зубов, некоторые ранки уже покрылись корочками.

Чжоу Цу почувствовал неловкость. Он хотел прикоснуться, но испугался причинить боль.

— Прости.

Это извинение звучало искреннее предыдущего. Фан Чжо решил воспользоваться моментом:

— Извинения помогут опухоли спастись? Или боль пройдет?

Чжоу Цу неожиданно усмехнулся:

— Нет.

— Чего ты смеешься? — Фан Чжо был очень недоволен. — Ты знаешь, что если останутся шрамы, мое лицо будет испорчено!

Чжоу Цу все же коснулся его губ пальцем. Фан Чжо отвернулся:

— Не распускай руки.

Мужчина убрал руку, его взгляд стал странным и пугающим:

— Сюй Вэйлай, кто ты такой на самом деле?

Фан Чжо про себя подумал: «Я твой дед».

— Обычный человек.

— Кто тебя прислал?

— Я сам пришел.

Фан Чжо стоял на своем. Чжоу Цу не смог добиться ответа. Он слегка наклонился, приблизив лицо, и их дыхание смешалось.

Фан Чжо прижался спиной к стене, неловко отведя взгляд:

— Зачем так близко? Отойди, мне нечем дышать.

Дыхание Чжоу Цу стало тяжелым, его тепло окутало уши Фан Чжо.

Он прошептал:

— Знаешь, твоя кровь очень сладкая.

— О, должно быть, у меня высокий уровень сахара, — ответил Фан Чжо.

Он был зажат между Чжоу Цу и стеной, как маленький муравей. По спине катился холодный пот, волосы на затылке встали дыбом. В этот момент он наконец понял, почему взгляд Чжоу Цу так пугал.

Раньше его глаза были глубокими и непроницаемыми, сейчас же в них читалась сильная агрессия и нечто иное — липкое, тягучее чувство.

Это была двусмысленность.

Словно за одну ночь Чжоу Цу внезапно прозрел и влюбился в него.

Эта мысль напугала Фан Чжо. «Дружище, твоя официальная пара — тот самый врач!»

— Ты можешь отойти? — Фан Чжо изобразил нетерпение, хотя сердце бешено колотилось от страха, что Чжоу Цу снова его поцелует, и поспешно натянул маску.

Чжоу Цу подцепил край маски, помогая зацепить её за уши:

— Сегодня вечером переедешь обратно наверх.

Фан Чжо натянуто улыбнулся:

— У меня плохая поза во сне, боюсь, буду пинаться.

— Не страшно.

— Я по ночам скриплю зубами.

— Ничего.

— ... — Фан Чжо сделал паузу, решив прибегнуть к грубости. — А еще я по ночам пукаю.

На лице Чжоу Цу не дрогнул ни один мускул:

— Пахнет приятно.

Фан Чжо: «...»

Разговор зашел в тупик, воцарилось странное молчание.

В конце концов Фан Чжо нарушил тишину:

— Если ты об этом из-за вчерашнего, то не стоит переживать. Ты ведь был не в себе.

— О? — переспросил Чжоу Цу. — А как же в прошлый раз?

— В тот... в тот раз ты был пьян. Ничего страшного, я человек великодушный. — Фан Чжо немного смутился, ведь в тот вечер он воспользовался его состоянием, поступил подло.

— Я не терял памяти. Очевидно, что это ты первым начал меня целовать. — Чжоу Цу усмехнулся, в его глазах полыхнула тьма. — Тогда я не стал раскрывать карты, давая тебе шанс на выбор.

Фан Чжо нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

Чжоу Цу сжал его подбородок, заставляя поднять голову, и пристально посмотрел в глаза:

— Это я должен спросить у тебя. Я давал тебе возможность уйти. Почему ты не ушел?

— Ты о тех днях, когда мы были в ссоре? — Фан Чжо был шокирован. «Кто бы мог догадаться, если ты не сказал прямо? Почему ты такой невыносимый?» — А я думал, ты просто стесняешься.

На напряженном лице Чжоу Цу промелькнуло неловкое смущение. Он поджал губы:

— Вчера ты сам спровоцировал меня. Это и был твой выбор.

Если подумать, это было правдой. Если бы он не полез наверх, его бы не прижали к полу и не искушали. Но он не хотел соблазнять!

Фан Чжо отчаянно забился:

— Сейчас еще не поздно поменять выбор?

— Поздно. — Чжоу Цу опустил взгляд, большой палец погладил неидеальную кожу юноши.

Этот человек не был достаточно красив, характер его не был идеальным, но он был искренен, не считал его монстром и даже в самые тяжелые ночи был готов согреть его своим теплом...

Чжоу Цу почувствовал, что в его мрачной и безнадежной жизни внезапно появилось то, чего ему хотелось.

Тем же вечером постель Фан Чжо перенесли на второй этаж, а все комнаты внизу заперли... Делать нечего, пришлось смириться.

Однако через пару дней Фан Чжо начал сдаваться. Каждое утро он просыпался от того, что нечто твердое упиралось ему в ягодицы, и сквозь ткань брюк невозможно было не почувствовать форму и жесткость этого предмета.

Если его действительно проткнут, он если не умрет, то станет калекой. Неужели нельзя обойтись платоническими отношениями? Обязательно нужно переходить к «клубничке»?

Ради целостности своего зада Фан Чжо решил объяснить:

— Скажу прямо: я натурал.

В последнее время Чжоу Цу стал чаще спускаться вниз, гулять по саду и даже изредка общаться с охранниками, выведывая их секреты, чтобы проверить увиденные им странности.

После пятнадцатого числа его зрение изменилось: он начал видеть то, что недоступно обычным людям. Даже ночные приступы холода прекратились.

Жизненная энергия, которую у него вытягивали годами, понемногу возвращалась, наполняя тело.

Он был уверен: это чудо сотворил Фан Чжо.

Услышав слова юноши, он даже не поднял век, перевернув страницу книги:

— Я тоже.

Фан Чжо поразился его невозмутимости:

— Я серьезно. Я сблизился с тобой не просто так.

Чжоу Цу наконец поднял взгляд:

— И какая же цель?

— В любом случае, не из-за тебя самого.

— О. — Чжоу Цу вернулся к чтению. — Значит, ради моего сердца.

Фан Чжо: «...»

За последние дни он понял, что Чжоу Цу вовсе не типичный «холодный принц». Вероятно, он просто отбросил осторожность. Хотя мимика его оставалась скудной, язык у него был довольно острым, и даже такие бесстыдные вещи он произносил с невозмутимым видом.

Редкий талант.

Уникальный человек.

Фан Чжо сдался и отправился в садик выгуливать собаку, заодно обдумывая план действий.

Немецкая овчарка, которая раньше при виде Чжоу Цу лаяла, теперь стала на удивление покорной: при виде него она виляла хвостом и терлась о его ноги.

Кошки и собаки — существа с тонким чутьем, они очень чувствительны к людям с избытком темной энергии или злобы. С тех пор как Чжоу Цу получил внешний модуль, его аура стала еще внушительнее, но при этом мягче, что и заставило овчарку подчиниться.

Сад у дома Чжоу был небольшим. Фан Чжо вывел собаку из конуры и пошел вдоль забора, заметив охранников, которые сгруппировались в кучку и о чем-то шептались, мрачно поглядывая по сторонам.

Он придержал овчарку и присел за кустами, смутно расслышав слова «умер» и «чертовщина».

— Кто умер?

Все так увлеклись разговором, что испугались, когда из ниоткуда появился человек. Увидев Фан Чжо, они выдохнули.

— Старший ученик, которого больше всего ценил старый господин Чжоу, преемник семьи, погиб в автокатастрофе, — сказал капитан охраны. — Мозги размазало по асфальту.

Семья Чжоу была огромной, Фан Чжо ничего не знал об этом «преемнике». Но раз самый ценный погиб, значит, будут выбирать нового, самого способного из остальных.

— Уже есть кандидаты на место преемника? — спросил Фан Чжо.

Капитан покачал головой:

— Пока нет. В этом деле важен талант, который не купишь.

— Тоже верно.

Фан Чжо задумался, а вернувшись, рассказал обо всем Чжоу Цу.

Чжоу Цу не проявил особого интереса, вместо этого спросил его:

— Хочешь прогуляться?

Фан Чжо мечтал об этом во сне, желательно сбежать и навсегда попрощаться с «вторым молодым господином».

— Когда? — спросил он, но тут же добавил: — Старый господин Чжоу позволит тебе выйти?

Чжоу Цу изогнул губы, его палец нежно погладил шрам на ключице Фан Чжо, в глазах мелькнула жестокость:

— Он долго не протянет, ему уже не до меня.

— Не может быть.

Всякий раз, когда он видел отца Чжоу, тот выглядел бодрым и властным, как он может умереть так внезапно?

Вдруг что-то вспомнив, Фан Чжо замер. Небесный глаз может видеть удачу человека. Хотя после пятнадцатого числа Чжоу Цу не видел того негодяя-отца, но кровная связь между родственниками... он должен был что-то почувствовать.

Если отец Чжоу действительно умрет, оковы Чжоу Цу исчезнут. С внешним модулем его путь должен стать гладким. Вершина жизни уже близка.

Если не сбежать сейчас, то когда Чжоу Цу станет по-настоящему сильным, уйти будет еще сложнее.

— Почему молчишь? — Чжоу Цу убрал лист кустарника с его головы, его пальцы зарылись в мягкие черные волосы и скользнули к затылку юноши.

Фан Чжо пришел в себя, его глаза блестели:

— Давай сходим в горы.

В горах много деревьев, тропинок, полно людей — лучший выбор для побега.

Чжоу Цу не ответил сразу, лишь молча ощущая живой пульс юноши, и странно усмехнулся.

Фан Чжо с сомнением посмотрел на него.

— Так радуешься? Это вызывает подозрения. — Чжоу Цу наклонился и прошептал прямо в ухо:
— Подозрения, не хочешь ли ты сбежать.

Фан Чжо не выдал себя, лениво протянув:

— С чего бы мне бежать? Здесь кормят вкусно, я бы хотел остаться тут на всю жизнь.

— Этот дом не годится. — Чжоу Цу погладил его по затылку. — Когда придет время, выберешь место, которое тебе по душе, и я буду жить с тобой всю жизнь.

Фан Чжо пропустил вторую часть мимо ушей и убрал его руку со своей шеи:

— Почему не годится?

— Это иньская обитель.

Как следует из названия, иньская обитель — место для мертвых. Неудивительно, что по вечерам здесь так жутко. Оказывается, он все это время жил в доме для покойников. Фан Чжо похолодел, жалея, что ляпнул лишнее.

В этот момент из кухни вышла госпожа Чэнь и сказала, что приехал старший господин Чжоу.

Услышав имя, Фан Чжо почувствовал, как заныла ключица. Он нахмурился:

— Ты же сказал, что ему не до нас и он не будет вмешиваться?

Чжоу Цу встал, в уголках его рта заиграла насмешка:

— Видимо, собака, загнанная в угол, начала кусаться.

Фан Чжо уловил его тон — в нем не было ни капли родственных чувств. Похоже, Чжоу Цу действительно ненавидел своего отца до смерти.

— Ты, неблагодарный сын, что ты натворил!

Отец Чжоу ворвался в дом с ревом, его лицо покраснело от гнева.

Всего за неделю он сильно сдал: щетина, черные круги под глазами, пепельные губы — выглядел как человек, которому осталось недолго. Следом за ним вошел старик с седой бородой, в белом традиционном халате, выглядевший как небожитель.

— Дао Юань, проверь, на месте ли вещь, — прохрипел отец Чжоу, садясь на диван. Всего несколько шагов — и он уже тяжело дышал.

Дао Юань познакомился с ним случайно: один жаждал богатства, другой цеплялся за жизнь. Их сотрудничество длилось уже больше двадцати лет.

Он достал из сумки компас из красного дерева и направился в подвал.

В бетонном полу подвала был замурован талисман и Ба-цзы Чжоу Цу — их спрятали там в первый же день, как он сюда въехал.

Но сейчас бетонный пол был перерыт, и не то что талисмана — даже пыли от него не осталось.

— Этот парень выкопал его, должно быть, сжег, — сказал Дао Юань, вернувшись в гостиную.

Отец Чжоу злобно уставился на Чжоу Цу и усмехнулся:

— Я тебя недооценил.

<http://bllate.org/book/22167/2309241>